

Богданова Ольга

Новое звено в биографике Ф.М. Достоевского

A New Line of Research on the Biography of Fedor Dostoevskii

One of the best books by the Russian writer and symbolist Georgii Chulkov – i.e. the biographical novel *The Life of Dostoevskii* (1935–1936) – was rejected by Soviet censors for ideological reasons and remained for eighty years locked in the archives. It saw the light in 2015 thanks to the efforts of O.A. Bogdanova, who carried out the philological work needed for its publication. Georgii Chulkov's text is the first full biography of Fedor Dostoevskii that is founded on solid scientific ground. It has outstanding artistic qualities and creates an ambiguous, multi-dimensional image of the great novelist, which is also fully consistent with the known facts of Dostoevskii's life and activities. Chulkov's book should occupy a prominent place among the vast biographical literature about Dostoevskii. The dramatic story of its writing and publication is one of the consequences of the changes that occurred in Russia during and after the 1917 revolution.

Биографическое исследование *Жизнь Достоевского*, созданное в 1935–1936 гг. замечательным русским писателем, поэтом, критиком, публицистом Серебряного века Георгием Ивановичем Чулковым (1879–1939), дождалось публикации только через 80 лет после написания (См.: Чулков 2015). В советские годы его не печатали по цензурным соображениям, затем просто не доходили руки. Однако неизменной осталась ценность этой работы для науки о великом писателе – ведь это первая полноценная художественная биография Ф.М. Достоевского, стоящая на прочном научном фундаменте.

Впервые о ее необходимости задумались, как нам представляется, в 1906 г. – в связи с полемическим контекстом вокруг вступительной статьи к Юбилейному (6-му) Полному собранию сочинений писателя (См.: Булгаков 1906: III–XL). Известно, что А.Г. Достоевская, стремясь получить для этого издания адекватный биографический очерк жизни и деятельности своего мужа, последовательно обращалась к Д.С. Мережковскому, С.И. Смирновой (Сазоновой) и С.Н. Булгакову. Статья последнего была напечатана вдовой писателя, несмотря на неудовлетворённость её содержанием, только из-за невозможности

дольше откладывать выход 1-го тома (Подробнее см.: Богданова 2015: 39–44).

В декабре 1906 г. в отклике на появление 6-го и 7-го *Полных собраний сочинений* Достоевского Волжский [А.С. Глинка] заметил по поводу вступительных статей Булгакова (помещенной в 1 томе) и Мережковского (отклоненной Анной Григорьевной), что “классические издания собраний сочинений Достоевского” нуждаются не в публицистической статье, а в “филологическом по преимуществу”, “строго научном, хотя бы и более сухом вступлении” (Волжский 1906), поставив тем самым задачу создания научной биографии писателя. Симптоматично, что о том же писал в 1907 г. и библиограф А.Г. Фомин в связи с выходом *Библиографического указателя* А.Г. Достоевской (См.: Фомин 1907: 1052–1054).

Возникновение первой полной научно-художественной биографии Достоевского¹ в се-

¹ Книгу Л.П. Гроссмана *Путь Достоевского* (Л., 1924) все же нельзя считать первой реализацией этого жанра, так как сам ее автор “не ставил себе строго биографических задач” и “стремился дать синтетический очерк духовного роста Достоевского на фоне его личных впечатлений, встреч, увлечений, дружб, чтений и

редине 1930-х гг. было обусловлено достижениями исследователей его творчества в предыдущие десятилетия. Во-первых, во второй половине 1920-х гг. появилось первое научное издание сочинений Достоевского (тексты которого были напечатаны по прижизненным публикациям и сверены с другими вариантами), снабженное солидным научно-справочным аппаратом (примечаниями, библиографическими статьями, библиографическим списком изданий Достоевского и литературы о нем, именным указателем и т.д.); в него было включено большое количество атрибутированных (из прижизненной печати) и вновь открытых (из национализированных советской властью архивов) текстов Достоевского (См.: Достоевский 1926–1930). Во-вторых, к 1934 г. уже был издан основной корпус писем Достоевского – три тома из четырех (См.: Достоевский 1928; Достоевский 1930а; Достоевский 1934)². В-третьих, в течение 1920-х гг., в дополнение ко второму изданию сборника В.Е. Чехихина-Ветринского (См.: Чехихин-

общих условий его трудного жизненного пути” (Гроссман 1924: 7).

² Последний, IV-й, том появился только в 1959 г.

Ветринский 1923), в печати одно за другим появились объемные мемуарные свидетельства Л.Ф. Достоевской, А.Г. Достоевской, А.П. Суловой, А.М. Достоевского (См.: Достоевская 1922; Достоевская 1925; Сулова 1928; Достоевский 1930а) и др., ставшие важнейшим источником ранее неизвестных биографических сведений о писателе. Наконец, в 1935 г. Л.П. Гроссманом была выпущена в свет книга *Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. Биография в датах и документах*, написанная в жанре 'летописи жизни и творчества русских писателей', выработанном в издательстве Academia (См: Гроссман 1935). Такая "фактическая сводка биографических материалов, расположенных в хронологическом порядке", стала необходимой основой для написания "исчерпывающего труда о жизни, личности и творчестве Достоевского" (Гроссман 1935: 7) во второй половине 1930-х гг.

Что касается Чулкова, то Достоевский был одним из его 'вечных спутников' в течение всей жизни. Еще в 1906 г. в нашумевшей книге *О мистическом анархизме* молодой символист напечатал статью *Достоевский и революция* (Чулков 1906: 32-44), которую

практически дословно воспроизвел в своем сборнике 1909 г. *Покрывало Изиды*. В 1910-е гг. Чулков неоднократно выступал с чтением лекции *Достоевский и современность*, а в 1918 г. под псевдонимом Борис Кремнев опубликовал программную статью *Достоевский и судьба России* (Кремнев 1918: 133-148). В послереволюционные годы Достоевский занял в жизни Чулкова едва ли не главное место: хотя из написанного им о любимом писателе, по цензурным условиям, вышло в свет сравнительно немного, в архивах сохранились лекции, статьи³ и биографическое исследование *Жизнь Достоевского*⁴. Из опубликованного отметим статьи *Последнее слово Достоевского о Белин-*

³ См.: черновые автографы и машинопись речей, докладов и статей *Современная душа и темы Достоевского* (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 186), *Достоевский и Тургенев, Некрасов и Достоевский* (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 185), *Достоевский и Пушкин, Достоевский и современность, Достоевский и Запад* (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 172 (1), 172 (2)), *Самубийцы в романе Достоевского и наша современность* (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 171 (1)), *Достоевский и революция* (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 173).

⁴ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 178; РГБ. Ф. 371. Карт. 8. Ед. хр. 1; ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 68.

ском (Чулков 1928б: 61–83) и *Достоевский и утопический социализм* (Чулков 1929: 9–35, 134–151), а также книгу *Как работал Достоевский* (Чулков 1939).

В 1920–1930-е гг., “вынужденно работая на обочине литературной жизни, Чулков нашел для себя самую естественную интеллектуальную нишу – историю русской классической литературы” (Сараскина 1999: 11), в которой основное внимание уделял биографическому жанру. Помимо Достоевского, его главными ‘героями’ стали А.С. Пушкин и Ф.И. Тютчев (См.: Чулков 1938; Чулков 1933). Кроме того, перу Чулкова в 1920–е гг. принадлежат биографические портреты пяти российских императоров (См.: Чулков 1928а) и восьми декабристов (См.: Чулков 1925), а в книге *Годы странствий: Из книги воспоминаний* – своих ушедших из жизни современников В.Я. Брюсова, Л.Н. Андреева, А.А. Блока, Ф. Сологуба (См.: Чулков 1930).

Как видим, писатель и литературовед освоил практически все жанры биографического исследования, создавая сжатые очерки и психологические портреты, вычлняя отдельные жизненные сюжеты, выстраивая хронологическую канву из дат и событий и,

наконец, синтезируя полномасштабное беллетризованное биографическое повествование.

Само обращение Чулкова к жанру биографии объяснялось в не меньшей степени общей тенденцией эпохи первой трети XX века – в те годы биографии выдающихся людей в обилии создавались не только советскими писателями (Л.П. Гроссманом, Ю.Н. Тыняновым, М.А. Булгаковым и др.), но и западноевропейскими авторами, а также русскими эмигрантами на Западе⁵. В эпоху символизма авторская индивидуальность стала главным конституирующим фактором художественного произведения и писательская биография приобрела статус житнетворческого процесса. Неудивительно, что “в 1910–1920-е гг. характерной чертой эпохи становится завоевание биографией едва ли не господствующего места в литературе” (Полонский 2011: 150–151). В отечественном литературоведении осмысление новой ситуации в биографике связа-

⁵ Вспомним, к примеру, книги А. Моура о П.Б. Шелли, Дж.Г. Байроне и др., С. Цвейга – о Ч. Диккенсе, О. де Бальзаке и Ф.М. Достоевском, Д.С. Мережковского – о Наполеоне Бонапарте, Данте Алигьери и др., Б.К. Зайцева – об И.С. Тургеневе и др.

но прежде всего с работами Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, Г.О. Винокура. Различая “идеальную биографическую легенду” и “реальную [...] биографию” поэта или писателя, Томашевский утверждал, что “нужная историку литературы биография – не послужной список и не следственное дело, а та творимая автором легенда о его жизни, которая единственно и является литературным фактом” (Томашевский 1923: 8–9). Этот тезис с очевидностью озвучивал фактически сложившееся в Серебряном веке положение дел – наряду с моделированием “биографических легенд” (Магомедова 2013: 11)⁶ его современников (А.М. Горького, А.А. Блока, А. Белого, С.А. Есенина и мн. др.), “мифологизированное⁷ восприятие имен великих предшественников” (Приходько 1999: 25). Можно говорить о создании в Серебряном веке и особого ‘мифа Достоевского’, в котором образ писателя-классика скорее “становился [...] воплощением идеи” (Приходько 1999: 26) творцов этого мифа, чем раскрывался в своем ‘реальном’ облике. Механизмы мифологизации образа Достоевского в литера-

⁶ Курсив Д.М. Магомедовой.

⁷ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, курсив мой – О.Б.

туре рубежа XIX–XX вв. еще не исследованы в достаточной степени, но уже сейчас с большой долей вероятности можно утверждать, что их суть – в перенесении черт литературных героев на самого автора. Последнее очевидно связано с обычным в работах о Достоевском 1890–1910-х гг. неразличением авторского и персонажных голосов, отождествлением биографического Достоевского с его литературными героями: от Прохарчина до князя Мышкина, от Мечтателя *Белых ночей* до Великого инквизитора в *Братьях Карамазовых*. В результате ‘неомиф Достоевского’ вообрал в себя резко противоречивые характеристики, что и отразилось в известной формуле Мережковского о “полубесноватом, полу-святом, Федоре Михайловиче Достоевском” (Мережковский 1906: 26).

Возвращаясь к проблемам биографики 1920-х гг., отметим, что Тынянов в статье *Литературный факт* (1924) объяснил произошедшую на рубеже XIX–XX вв. трансформацию биографического жанра – ‘динамизмом формы’, которая извлекает новые жанровые “конструктивные принципы” из гущи “быта или личной жизни поэта” и выдвигает их “в самый центр литературы”,

делая “литературным фактом” (Тынянов 1977: 255-269). В статье *О литературной эволюции* (1927), проведя различие между “литературной личностью” Дж.Г. Байрона и Г. Гейне и их реальной биографической жизнью, Тынянов, по сути дела, провозгласил именно первую подлинным объектом традиционных жизнеописаний (См.: Тынянов 1977: 270-281).

Развитие и частичное преодоление высказанных точек зрения – в книге близкого Чулкову по работе в Государственной академии художественных наук (ГАХН) Винокура, чьи мысли очевидно повлияли на биографический подход автора *Жизни Достоевского*. В качестве объекта биографического исследования ученый выдвинул восходящее к ‘философии жизни’ В. Дильтея понятие “личной жизни” как “единства, неразрывного и всегда присутствующего, в каком вся [...] мешанина наблюдений, фактов и догадок [...] дана нам в истории” (Винокур 1927: 18–19). “Нет биографии внешней и внутренней”, “биография ‘одна’, как едина жизнь, цельная и конкретная”, личность же “основной стержень, вокруг которого располагаются все биографические материалы”. “Личность – это и

есть то, что живет и без чего нет самой жизни”, личность – величина “динамическая” (Винокур 1927: 26–27, 32). Предметом изображения биографа становится, таким образом, “особое творчество в сфере личной жизни”, “личная жизнь” как “произведение искусства”, не сводимое ни к “системе нравственно-религиозных переживаний”, ни к “сфере быта”, ни к “душевной жизни [...] в психологическом смысле” (Винокур 1927: 9–10). Так и в чулковской биографии Достоевского, где огромное место занимает религиозно-философское раскрытие личности писателя, не менее ярко представлены и ее любовно-романические, общественно-политические, эстетические и др. грани.

Более того, чтобы стать, по мысли Винокура, “фактом биографии”, исторический факт должен быть с необходимостью “пережит данной личностью”: “становясь предметом переживания, исторический факт получает биографический смысл” (Винокур 1927: 37). Симптоматично, что в чулковской биографии Достоевского полностью отсутствует т.н. объективный исторический фон, или столь характерный для марксистского биографического письма со-

циально-исторический контекст, внутри которого вынужден действовать персонаж. Точкой отсчета становится переживающая и “синтаксически (вовсе не эволюционно!)” разворачивающаяся личность Достоевского, “не привязанная [...] к отвлеченным высшим началам”, но раскрывающая свой внутренний “сокровенный смысл” (Винокур 1927: 34, 60).

Свойственная персонажу биографии “особая жизненная манера”, или “стиль”, объединяет, по Винокуру, его переживания и поступки, определяя также и характер его творчества, поэтику произведений (характеры героев, “стилистический уклад речи”, “характерные приемы сюжетосложения” и т.д.). “Типичные формы авторского поведения откладываются на структуре поэмы [...]” (Винокур 1927: 46–48, 81). И вот у Чулкова сплошь и рядом источником сведений о переживаниях Достоевского становятся внутренние монологи его персонажей: Голядкина, Прохарчина, Ордынова, Аркадия Долгорукого, Мышкина... Причем биограф нередко доходит до полного психологического отождествления автора со своими героями в соответствующие моменты его жизни.

Заметен в чулковской биографии принципиальный отход от ‘неомифа Достоевского’, бытовавшего в Серебряном веке. Солидная документальная основа, накопленная достоевсковедением к 1930-м гг., избавила Чулкова от изображения “противоестественной помеси реакционера с террористом” (Мережковский 1906: 26). Сказалась и новая концепция биографического письма, впервые заявленная в получившей широкую известность книге Л. Стрэйчи *Знаменитые викторианцы* (1918). Главным здесь стали повышенное внимание к внутреннему миру и непредвзятый показ персонажа без всякого ‘глянца’, избегая его критики или оценок.

Несомненной заслугой Чулкова стало преодоление не только символистской, но и фрейдистской и, наконец, марксистской мифологизации Достоевского. Вторая была представлена как отечественными, так и зарубежными исследованиями. Расцвет психоаналитической школы в Советской России приходится на 1921–1925 гг. и, применительно к литературоведению, в первую очередь связан с деятельностью И.Д. Ермакова (См.: Ермаков 1923а; Ермаков 1923б). Среди психоаналитических

работ о Достоевском можно назвать книгу А.А. Кашиной-Евреиновой (См.: Кашина-Евреинова 1923), статью П.С. Попова (См.: Попов 1928: 217–274) и др. Последняя готовилась к печати при непосредственном участии Чулкова.

Из зарубежной психоаналитической литературы о Достоевском Чулков был, несомненно, знаком с переведенной на русский язык книгой Иолан Нейфельд (См.: Нейфельд 1925), а также с немецкоязычной статьей З. Фрейда *Достоевский и отцеубийство*, напечатанной в качестве вступления к первой публикации рукописей *Братьев Карамазовых* в серии *Наследие Достоевского* в Германии (См.: Freud 1928: IX–XXXVI).

Учитывал автор *Жизни Достоевского* и методологию современных ему эмигрантских исследований о писателе, а именно – семинария по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге, руководимого А.Л. Бемом. Сведения о его работе проникали в интеллигентские круги Советской России из библиографических обзоров и рецензий, иногда встречавшихся в советских журналах 1920–х гг., но в основном – благодаря личным контактам (например, переписке Бема с

Т.А. Крюковой после ее возвращения из Праги в Ленинград в 1926 г.) (Подробнее см.: Магидова 2003: 231–259). Известно, что прочитанный Крюковой по приезду из Чехословакии доклад “произвел глубокое впечатление” на посетителей нелегальных кружков “Братство преп. Серафима Саровского” и “Космическая академия наук” (Тур 1928: 3), среди которых были десятки литературоведов. Ряд авторов пражских сборников *О Достоевском* 1929 и 1933 гг.: сам Бем, Н.Е. Осипов, Д.И. Чижевский и др., – отдавая дань фрейдистскому подходу, писали статьи с анализом бессознательных переживаний, сновидений, галлюцинаций, вытеснений, эротических сублимаций и т.п. в произведениях великого романиста (См.: Бем 2007: 99–131; Осипов 2007: 74–90; Чижевский 2007: 236–250).

В своем повествовании Чулков отнюдь не обошел вниманием интимную жизнь писателя: например, детально воспроизвел его психофизические переживания наедине с отказывавшей ему в близости А.П. Сусловой; вскрыл подоплеку несчастного брака с Марией Дмитриевной, будто бы таившуюся в ее непреодоленном женском влечении к молодому

красивому мужчине, учителю Вергунову; акцентировал чувственную окраску его писем 1870-х гг. ко второй жене; и т.п. Однако освещение этих сторон биографии Достоевского нигде не приобретает у него тотального характера.

То, что созданный Чулковым образ Достоевского совершенно не вписывался в марксистский миф об искреннем, но запутавшемся революционере-петрашевце, сподвижнике В.Г. Белинского, собеседнике Н.Г. Чернышевского и А.И. Герцена, сугубом радете-ле за “униженных и оскорбленных” и ненавистнике самодержавного строя, сознавал прежде всего сам автор. В его *Предисловии*⁸ к *Жизни Достоевского* книга названа “первой попыткой ‘прагматического’ жизнеописания писателя”, которую “отнюдь не следует рассматривать как опыт научного⁹ исследования жизни Достоевского. Автор – не марксист. Этим все сказано. Однако биографический материал, неплохо в литературном отношении им обработанный,

⁸ Такой заголовок – в экз. РГАЛИ (Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 21); в машинописи РГБ (Ф. 371 Г.И. Чулков. К. 8. Ед. хр. 1. С. II) заголовок *От издательства*.

⁹ ‘Научное’ в этом контексте синоним марксистского, что было характерно для советского дискурса.

открывает перспективы социологического исследования, на которое сам автор, по видимому, несколько не претендует”¹⁰. Очевидно, Чулков надеялся с помощью этого тактического приема преодолеть ‘минное поле’ советской цензуры.

Сам автор считал *Жизнь Достоевского* одним из наиболее значительных своих произведений, о чем оставил запись в тайном дневнике *Откровенные мысли (1935–1938)* (См.: Чулков 2003: 469). В черновом наброске *О плане книги Жизнь Достоевского* Чулков признавался: “Книга о жизни Достоевского, подготовленная мною к печати, представляет тот же биографический повествовательный жанр, коим я пользовался, когда писал мои книги *Жизнь Пушкина* (См.: Чулков 1938), *Императоры* (См.: Чулков 1928а) и *Мятежники* (См.: Чулков 1925). Решительно избегая всяких беллетристических вольностей, я точные фактические сообщения сочетаю с занимательным рассказом”¹¹.

Жизнь Пушкина в Откровенных мыслях названа “духовной биографией” поэта, и оба ве-

¹⁰ РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. К. 8. Ед. хр. 1. С. III.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 179. Лл.1–2.

ликих персонажа чулковских жизнеописаний сближены по одному признаку – за “многоцветьем” мира они угадывали “плерому как ‘полноту наполняющего все во всем’” (Чулков 2003: 471). Подлинную концепцию обеих биографий и свое отношение к господствующей в СССР идеологии автор передал в записи от 30 марта 1937 г.: “В связи со столетием со дня смерти Пушкина не раз с укоризной вспоминали о Достоевском, который, мол, проповедывал смирение [...] Невежественные болтуны воображают, что под смирением Достоевский разумел слепую покорность графу Бенкендорфу или что-то вроде этого. Но Достоевский понимал смирение так же, как Блез Паскаль. Смирение – величайшая духовная сила, предельная победа над врагом, апофеоз борьбы. Дурак всегда петушится. Мудрец ‘смиряется’, то есть отказывается от бесплодных усилий страсти” (Чулков 2003: 474).

Современная исследовательница справедливо обращает внимание на автобиографический субстрат *Жизни Достоевского*: “за устойчивой сюжетной схемой, взятой писателем за основу повествовательного движения” в биографиях Пушкина и Достоевско-

го, угадывается “собственный опыт религиозного становления” Чулкова; “внешняя событийная канва [...] лишь оболочка внутреннего сюжета, повествующего о путях духовного развития личности, кульминационной точкой которого становится момент духовного прозрения героя – восприятие им мира как положительного всеединства” в духе философии Вл.С. Соловьева, приверженцем которой ‘последний символист’ оставался до конца жизни (Грякова 2008: 362).

Архивные находки убедительно свидетельствуют о том, что в годы написания книги *Жизнь Достоевского* Чулков – глубоко верующий православный христианин, близкий к потаенной церковной и монастырской жизни. Так, он посещал закрытую советской властью Оптину пустынь, писал в 1925 г. последнему ее старцу Нектарию (См. воспоминания Н.Г. Чулковой)¹², был “добрым знакомым” выдающегося деятеля “катакомбной” церкви М.А. Новоселова (Григорий 2014: 139). Неудивительно, что трактовка личности и творчества Достоевского в его биографическом исследова-

¹² РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. К. 6. Ед. хр. 1. Лл. 188–189.

нии дана в религиозном ключе. Правда, по условиям советской печати, это было сделано почти незаметно, без прямых деклараций, путем умелого монтажа биографического материала, в подтексте, представляя слово эпистолярным и мемуарным свидетельствам. Так, в условиях атеистической цензуры, Чулков хотел донести до советского читателя подлинного, как он его понимал, Достоевского – великого подвижника Христовой веры. Биографика Достоевского – малозатронутая сфера науки о писателе. Нам известны лишь единичные аналитические работы по этой теме (См.: Гиль 2012: 252–256; Петрова 2012: 268–270; Ляху, Лобанов 2013: 291–299). Тем интереснее и важнее становится задача выстроить ряд имеющихся биографических исследований о Достоевском, сопоставить их и определить место в этом ряду утерянного до времени звена – биографии, написанной Чулковым. Так, в восприятии разных людей и эпох, предстаёт перед нами многогранный образ великого писателя. Подобно пушкинской, толстовской и некоторым другим, биография Достоевского стала одним из важнейших текстомифов русской культуры. Ведь “гений – это ‘мы’: в своем, так

сказать, пределе [...] Постичь биографию гения – и для отдельного человека, и для целой нации есть акт самопознания” (Волгин 2012: 1130). Обратимся к списку литературных биографий писателя, который начинается *Материалами к жизнеописанию Ф.М. Достоевского* О.Ф. Миллера и *Воспоминаниями* Н.Н. Страхова, написанными в 1883 г. (См.: Достоевский 1883: 1–332), и заканчивается на сегодняшний момент – книгой Л.И. Сараскиной 2011 г. в серии *Жизнь замечательных людей* (См.: Сараскина 2011). Между этими полюсами – разного объема и подхода исследования, расположенные в хронологическом порядке, – Д.В. Аверкиева (См.: Аверкиев 1886: 1–31), К.К. Случевского (См.: Случевский 1892: I–XII), В.В. Розанова (См.: Розанов 1894: V–XXIV), Д.С. Мережковского (См.: Мережковский 1995: 45–61), Е.А. Соловьева (См.: Соловьев 1891), Волжского [А.С. Глинки] (См.: Волжский 1906), В.П. Свенцицкого (См.: Свенцицкий 1911), В.В. Вересаева (См.: Вересаев 1911: 5–74), В.Ф. Переверзева (См.: Переверзев 1925: 3–19), Л.П. Гроссмана (См.: Гроссман 1924; Гроссман 1963), Ю.И. Селезнева (См.: Селезнев 1981). Нельзя также не отметить историко-биографиче-

ских исследований И.Л. Волгина, хотя и посвященных отдельным периодам жизни Достоевского, но в совокупности складывающихся практически в полное жизнеописание (См.: Волгин 1991а; Волгин 1991б; Волгин 2000; Волгин 2012: 961–1167). Важный вклад в биографику автора *Братьев Карамазовых* внесли также беллетризованные и справочно-энциклопедические публикации С.В. Белова (См.: Белов 1986; Белов 1990; Белов 2001). Качественно новой ступенью изучения биографии великого писателя, по сравнению с аналогичным по задачам изданием Гроссмана 1935 г., стала трехтомная *Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского*, подготовленная в Пушкинском Доме (См.: Буданова, Фридендер 1993–1995).

Имя Чулкова следует поставить в этом ряду между небольшой биографической главкой в книжке Переверзева 1925 г., написанной в социологическом ключе, и объемной книгой Гроссмана 1963 г., вышедшей в серии *Жизнь замечательных людей*. Необходимо добавить, что в 1947 г. в Париже вышла биография Достоевского, написанная К.В. Мочульским (См.: Мочульский 1995: 219–549). Как и чулковская, она несколько десятиле-

тий была практически неизвестна на родине. Но сейчас, после возвращения российскому читателю исследований Чулкова и Мочульского, уже очевидно, что сорокалетнего промежутка в русской биографии Достоевского на самом деле не существовало.

Качественный скачок в этой области, безусловно, впервые совершен Чулковым. Вполне возможно, что в неопубликованной машинописи его исследование стало известно Гроссману, в 1920–е гг. ученому секретарю Литературной секции ГАХН, с которым Чулкова в 1930–е гг. связывали дружеские отношения (См. воспоминания Н.Г. Чулковой)¹³. В середине 1940–х гг. машинопись *Жизни Достоевского* прочел в качестве рецензента В.Я. Кирпотин, будущий автор этапной для советского достоевсковедения книги о романе *Преступление и наказание* (См.: Кирпотин 1970), где сравнительно много внимания уделено христианству Достоевского. Так что чулковская биография, по видимому, не канула бесследно, но сыграла свою скрытую, подземную роль в советско-российской науке о великом

¹³ РГБ. Ф. 371 Чулков Г.И. Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 197.

писателе, в росте и развитии столь расцветшего ныне в России христианско-аксиологического подхода к его личности и творчеству.

К непреходящим достоинствам новообретенной биографии Достоевского относится то, что написана она не только ученым, но писателем и поэтом – талантливый, тонким художником слова. Это было отмечено еще в 1940-е гг. В.С. Любимовой-Дорова-товской, читавшей *Жизнь Достоевского* в рукописи: “В своей книге Чулков пошел по особому пути. Это [...] художественная биография, – написанная художником, цель которой дать прежде всего образ писателя, раскрыть характер и смысл его своеобразной и еще во многом неразгаданной личности”¹⁴. Солидарна с таким восприятием и М.В. Михайлова (См.: Михайлова 2013: 281). Действительно, под пером большого писателя-символиста возникает неоднозначный, волнующий и в то же время документально достоверный образ одного из самых непостижимых людей, когда-либо живших на земле¹⁵.

¹⁴ ИМЛИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 68. Л. 11.

¹⁵ Работа выполнена в ИМЛИ РАН за счет средств гранта РГНФ № 15-34-12003 “Русская революция 1917 г. в ли-

тературных источниках (1917 – начало 1920-х гг.)”.

Библиография

Аверкиев 1886: Д. Аверкиев, *Краткий очерк жизни и писательства Ф.М. Достоевского* // Ф. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 6 тт.*, СПб., т. 1, 1886, с. 1–31.

Белов 1986: С. Белов, *Жена писателя. Последняя любовь Достоевского*, Советская Россия, М., 1986.

Белов 1990: С. Белов, *Федор Михайлович Достоевский: Книга для учителя*, Просвещение, М., 1990.

Белов 2001: С. Белов, *Ф.М. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь в 2 тт.*, Алетейя, СПб., 2001.

Бем 2007: А. Бем, *Драматизация бреда (Хозяйка Достоевского)* // А. Бем (сост., ред.), *О Достоевском: Сборник статей, Прага 1929/1933/1936*, Русский путь, М., 2007, с. 99–131.

Богданова 2015: О. Богданова, *Вокруг вступительной статьи к Юбилейному (6-му) ПСС Ф.М. Достоевского: штрихи к истории писательской биографии*, «Известия РАН. Серия литературы и языка», 2015, III, 74, с. 39–44.

Буданова, Фридлиндер 1993–1995: Н. Буданова, Г. Фридлиндер (ред.), *Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821–1881, в 3 тт.*, Академический проект, СПб., 1993–1995.

Булгаков 1906: С. Булгаков, *Чрез четверть века (1881–1906): Очерк о Ф.М. Достоевском* // Ф. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 14 т.*, Юбилейное (6-е) издание, Тип. П.Ф. Пантелеева, СПб., т. 1, 1906, с. III–XL.

Вересаев 1911: В. Вересаев, *Человек проклят (О Достоевском)* // В. Вересаев, *Живая жизнь, Часть 1, О Достоевском и Льве Толстом*, М., 1911, с. 5–74.

Винокур 1927: Г. Винокур, *Биография и культура*, Государственная академия художественных наук (ГАХН), М., 1927.

Волгин 1991а: И. Волгин, *Последний год Достоевского. Исторические записки*, Издание 2-е, доп., Советский писатель, М., 1991.

Волгин 1991б: И. Волгин, *Родиться в России. Достоевский и современники: Жизнь в документах*, Книга, М., 1991.

Волгин 2000: И. Волгин, *Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 г.*, Либерия, М., 2000.

Волгин 2012: И. Волгин, *Родные и близкие: Историко-биографические очерки* // И. Волгин (ред.), *Хроника рода Достоевских; И. Волгин, Родные и близкие: историко-биографические очерки*, Фонд Достоевского, М., 2012, с. 961–1167.

Волжский 1906: Волжский [А. Глинка], *Достоевский. Жизнь и проповедь*, М., 1906.

Волжский 1907: Волжский [А. Глинка], *Памяти Ф.М. Достоевского*, «Московский еженедельник», 1906, 40, 23 декабря.

Гиль 2012: О. Гиль, *Биография Достоевского в контексте современности*, «Вестник Омского университета», 2012, I, 63, с. 252–256.

Григорий 2014: Григорий, епископ Русской православной автономной церкви (РПАЦ) [В. Лурье], *Жития радикальных святых: Кирилл Белозерский, Нил Сорский, Михаил Новоселов*, Эксмо, М., 2014.

Гроссман 1924: Л. Гроссман, *Путь Достоевского*, Брокгауз и Ефрон, Л., 1924.

Гроссман 1935: Л. Гроссман, *Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. Биография в датах и документах*, Academia, М.; Л., 1935.

Гроссман 1963: Л. Гроссман, *Достоевский*, Молодая гвардия, серия *Жизнь замечательных людей*, М., 1963.

Грякалова 2008: Н. Грякалова, «Тайная свобода» последнего символиста (Георгий Чулков в 1930–е годы) // Н. Грякалова, *Человек модерна: Биография – рефлексия – письмо*, Дмитрий Буланин, СПб., 2008, с. 357–370.

Достоевская 1922: [Л. Достоевская], *Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской*, перевод с немецкого Л. Круковской, под ред. и с предисловием А. Горнфельда, Государственное издательство, М.; Пг., 1922.

Достоевская 1925: А. Достоевская, *Воспоминания*, под ред. Л. Гроссмана, Госиздат, М.; Л., 1925.

Достоевский 1883: Ф. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 14 тт.*, *Биография, письма и заметки из записной книжки: Материалы для жизнеописания Ф.М. Достоевского* О. Миллера и Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском Н. Страхова, СПб., т. 1, 1883, с. 1–332.

Достоевский 1926–1930: Ф. Достоевский, *Полное собрание художественных произведений в 13 тт.*, под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева, Государственное издательство, М.; Л., 1926–1930.

Достоевский 1928: Ф. Достоевский, *Письма, I, 1832–1867*, под ред. и с примечаниями А. Долинина, ГИЗ, М.; Л., 1928.

Достоевский 1930а: Ф. Достоевский, *Письма, II, 1867–1871*, под ред. и с примечаниями А. Долинина, ГИЗ, М.; Л., 1930.

Достоевский 1930б: А. Достоевский, *Воспоминания*, ред. и вступительная статья А. Достоевского, Издательство писателей, Л., 1930.

Достоевский 1934: Ф. Достоевский, *Письма, III, 1872–1877*, под ред. и с примечаниями А. Долинина, Academia, М.; Л., 1934.

Ермаков 1923а: И. Ермаков, *Этюды по психологии творчества А.С. Пушкина*, Госиздат, М.; Пг., 1923.

Ермаков 1923б: И. Ермаков, *Очерки по анализу творчества Гоголя (Органичность произведений Гоголя)*, Госиздат, М.; Пг., 1923.

Кашина–Евреинова 1923: А. Кашина–Евреинова, *Подполье гения (Сексуальные источники творчества Достоевского)*, Третья стража, Пг., 1923.

Кирпотин 1970: В. Кирпотин, *Разочарование и крушение Родиона Раскольникова (Книга о романе Достоевского Преступление и наказание)*, Советский писатель, М., 1970.

Кремнев 1918: Б. Кремнев [Г. Чулков], *Достоевский и судьба России // Огни: Литературный альманах*, М., 1918, с. 133–148.

Ляху, Лобанов 2013: В. Ляху, И. Лобанов, *Старый новый 'Достоевский' перед лицом XXI века // Н. Костина (сост.), Н. Подоскорский (ред.), Достоевский и современность: Материалы XXVII Международных Старорусских чтений 2012 года*, Великий Новгород, 2013, с. 291–299.

Магидова 2003: М. Магидова, *Материалы к истории литературных контактов А.Л. Бема 1920–х гг. (Письма А.С. Долинина и Т.А. Крюковой) // Б. Тихомиров (сост., ред.), Достоевский и мировая культура: альманах*, выпуск 19, Серебряный век, СПб., 2003, с. 231–259.

Магомедова 2013: Д. Магомедова, *Модели писательских биографий как литературные универсалии // И. Гитович (сост., ред.), Проблемы писательской биографии: к 150–летию А.П. Чехова: Доклады и материалы Международного круглого стола "Проблемы построения научной биографии писателя: к 150–летию А.П. Чехова" (21–22 декабря 2010 г., Институт мировой литературы Российской академии наук (ИМЛИ РАН)), ИМЛИ РАН, М., 2013, с. 11–19.*

Мережковский 1906: Д. Мережковский, *I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький*, Издательство М.В. Пирожкова, СПб., 1906.

Мережковский 1995: Д. Мережковский, *Л. Толстой и Достоевский // Д. Мережковский, Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники*, Республика, М., 1995, с. 5–350.

Михайлова 2013: М. Михайлова, Бесы Ф.М. Достоевского в художественном освоении и теоретическом осмыслении Г.И. Чулкова // А. Тахо-Годи (ред.), Е. Тахо-Годи (сост., ред.), Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского, Водолей, М., 2013, с. 278–292.

Мочульский 1995: К. Мочульский, Достоевский. Жизнь и творчество // К. Мочульский, Гоголь. Соловьев. Достоевский, Республика, М., 1995, с. 219–549.

Нейфельд 1925: И. Нейфельд, Достоевский: Психоаналитический очерк под ред. проф. З. Фрейда, Пг., Л.; М., 1925.

Осипов 2007: Н. Осипов, Двойник. Петербургская поэма Ф.М. Достоевского (Заметки психиатра) // А. Бем (сост., ред.), О Достоевском: Сборник статей. Прага 1929/1933/1936, Русский путь, М., 2007, с. 74–90.

Петрова 2012: Ю. Петрова, Образ “великого писателя” в неклассической биографической парадигме: биографии Ф.М. Достоевского конца XIX века, «Вестник Омского университета», 2012, I, 63, с. 268–270.

Переверзев 1925: В. Переверзев, Биография писателя // В. Переверзев, Ф.М. Достоевский, Государственное издательство, М.; Л., 1925, с. 3–19.

Полонский 2011: В. Полонский, Об основных чертах биографического письма в литературе XX века // В. Полонский, Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст, ИМЛИ РАН, М., 2011, с. 150–155.

Попов 1928: П. Попов, “Я” и “Оно” в творчестве Достоевского // Г. Чулков (сост., ред.), Достоевский: Сборник статей, Труды Государственной академии художественных наук (ГАХН), Литературная секция, выпуск 3, М., 1928, с. 217–274.

Приходько 1999: И. Приходько, Александр Блок и русский символизм: мифопоэтический аспект: Спецкурс, Владимирский государственный педагогический университет (ВГПУ), Владимир, 1999.

Розанов 1894: В. Розанов, Ф.М. Достоевский (Критико-биографический очерк) // Ф. Достоевский, Полное собрание сочинений в 12 тт., Издание А.Ф. Маркса, СПб., т. 1, 1894, с. V–XXIV.

Сараскина 1999: Л. Сараскина, “Огонь глухой и буйство скрытых сил” (Творческий путь Г.И. Чулкова) // Г. Чулков, Жизнь Пушкина, Наш дом – L’Age d’Homme, М., 1999, с. 5–12.

Сараскина 2011: Л. Сараскина, *Достоевский, Молодая гвардия, серия Жизнь замечательных людей*, М., 2011.

Свенцицкий 1911: В. Свенцицкий, *Жизнь Достоевского*, Народное издательство, М., 1911.

Селезнев 1981: Ю. Селезнев, *Достоевский, Молодая гвардия, серия Жизнь замечательных людей*, М., 1981.

Случевский 1892: К. Случевский, *Достоевский (Очерк жизни и деятельности)* // Ф. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 12 тт.*, Издание 4-е, СПб., т. 1, 1892, с. I–XII.

Соловьев 1891: Е. Соловьев, Ф. Достоевский. *Его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк*, серия *Жизнь замечательных людей* Ф. Павленкова, СПб., 1891.

Суслова 1928: А. Суслова, *Годы близости с Достоевским. Дневник. – Повесть. – Письма*, вступительная статья и примечания А. Долинина, Издательство М. и С. Сабашниковых, М., 1928.

Томашевский 1923: Б. Томашевский, *Литература и биография*, «Книга и революция», 1923, IV, 28, с. 6–9.

Тур 1928: Тур [Л. Тубельский, П. Рыжей], *Пепел дубов: [фельетон]*, «Ленинградская правда», 1928, 14 июня.

Тынянов 1977: Ю. Тынянов, *Литературный факт* // Ю. Тынянов, *Поэтика. История литературы. Кино*, Наука, М., 1977, с. 255–269.

Фомин 1906: А. Фомин, А.Г. Достоевская. *Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф.М. Достоевского, собранных в “Музее памяти Ф. М. Достоевского” в Московском Историческом музее имени Императора Александра III. 1846–1903*, СПб., 1906. [Рец.], «Исторический вестник», 1907, III, с. 1052–1054.

Чешихин-Ветринский 1923: В. Чешихин-Ветринский (сост., ред.), *Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах*, Издание В.В. Думнова, М., 1923.

Чижевский 2007: Д. Чижевский, *Достоевский-психолог* // А. Бем (сост., ред.), *О Достоевском: Сборник статей. Прага 1929/1933/1936, Русский путь*, М., 2007, с. 236–250.

Чулков 1906: Г. Чулков, *Достоевский и революция* // Г. Чулков, *О мистическом анархизме, со вступительной статьей Вяч. Иванова* О неприятии мира, Факелы, СПб, 1906, с. 32–44.

Чулков 1925: Г. Чулков, *Мятежники 1825 года*, Современные проблемы, М., 1925.

Чулков 1928а: Г. Чулков, *Императоры. Психологические портреты*, Госиздат, М., 1928.

Чулков 1928б: Г. Чулков, *Последнее слово Достоевского о Берлинском* // Г. Чулков (сост.), *Достоевский: Сборник статей*, Труды Государственной академии художественных наук (ГАХН), Литературная секция, М., выпуск 3, 1928, с. 61–83.

Чулков 1929: Г. Чулков, *Достоевский и утопический социализм*, «Каторга и ссылка», 1929, II, с. 9–35, 3, с. 134–151.

Чулков 1930: Г. Чулков, *Годы странствий: Из книги воспоминаний*, Федерация, М., 1930.

Чулков 1933: Г. Чулков, *Летопись жизни и творчества Тютчева*, Academia, М.; Л., 1933.

Чулков 1938: Г. Чулков, *Жизнь Пушкина*, Художественная литература, М., 1938.

Чулков 1939: Г. Чулков, *Как работал Достоевский*, Советский писатель, М., 1939.

Чулков 2003: Г. Чулков, *Откровенные мысли*, предисловие, публикация и комментарий Н. Грякаловой // В. Быстров и др. (ред.), *Писатели символистского круга*, Дмитрий Буланин, СПб., 2003, с. 457–499.

Чулков 2015: Г. Чулков, *Жизнь Достоевского*, составление, подготовка текста, комментарий и вступительная статья О. Богдановой, ИМЛИ РАН, М., 2015.

Freud 1928: S. Freud, *Dostojewski und die Vätertötung* // R. Fülöp-Miller, F. Eckstein (hrsg.), *F.M. Dostojewski. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente. Erläutert von W. Komarowitsch*, R. Piper, München., 1928, pp. IX–XXXVI.